

Управление по делам архивов Вологодской области

Вологодское региональное отделение общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов»

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И АРХИВЫ

К 1150-летию
зарождения российской
государственности, юби-
лею г. Белозерска

Материалы областной научно-практической конференции
«2012 год: памятные даты и знаменательные события в
истории Вологодчины»

21 марта 2012 года

Выпуск 19

Вологда
2012

го, история объявлялась важнейшим маркером «русскости». Кроме того, история становилась дополнительным «полем» риторической иллюстрации русской идентичности, при этом обязательно проводились параллели с современностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Журнал Министерства народного просвещения. №8, 1913. С. 106.
- ² Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). №9, 1898. С. 4.
- ³ Там же. № 18, 1896. С. 11 – 12.
- ⁴ Там же. № 132, 1900. С. 1.
- ⁵ Вологодские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). №2 (приб.), 1913. С. 54.
- ⁶ ВГВ. №52, 1900. С. 3.
- ⁷ Там же. №133, 1900. С. 3.
- ⁸ Там же. №155, 1899. С. 3.
- ⁹ ВЕВ. №1 (приб.), 1915. С. 7 – 8.
- ¹⁰ Там же. №12 (приб.), 1904. С. 307.
- ¹¹ Там же. №17 (приб.), 1912. С. 422.
- ¹² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. XXXIII. Отд. 1. С. 166 – 167; ВЕВ. №17 (приб.), 1912. С. 422, 423; №21 (приб.), 1912. С. 527.
- ¹³ ВЕВ. №5 (приб.), 1913. С. 135.
- ¹⁴ ПСЗРИ. Т. XXXII. Отд. 1. С. 1419.
- ¹⁵ ВЕВ. №17 (приб.), 1912. С. 421; №18 (приб.), 1912. С. 433.
- ¹⁶ Там же. №21 (приб.), 1912. С. 527.
- ¹⁷ Там же. №17 (приб.), 1912. С. 421.

В. А. Саблин

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ НАЛОГ В ВОСПРИЯТИИ КРЕСТЬЯН ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1920-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЧК–ОГПУ)

Важнейшим элементом новой экономической политики, как известно, стал продовольственный налог, введенный на основе решений X съезда РКП(б). В последующие годы налог претерпевал определенную эволюцию от изначальных форм земельной ренты в сторону подоходного обложения, оставаясь одним из основных инструментов аграрной политики государства. Целью данной статьи является рассмотрение сущности сельскохозяйственного налога в контексте анализа информационных сводок ВЧК–ОГПУ, сопровождавших ежегодные налоговые кампании в РСФСР в 1921/22 – 1929/30 гг.

Постановление ВЦИК РСФСР от 21 марта 1921 года «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» положило начало серии декретов о введении в стране натуральных налогов¹. Предполагалось, что «налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения». Отменялась круговая ответственность за выполнение налога. Излишки, оставшиеся в хозяйстве после исполнения налога, могли реализовываться на рынке². Крестьяне поддержали идею налога, но при этом не изменили упрочившееся негативное отношение к вмешательству государства в экономику крестьянской семьи. Множественность вводимых налогов³, отсутствие у продовольственного аппарата опыта налоговых заготовок и др. неизбежно сохраняли за налоговой кампанией 1921/22 г. характер разверстки. Не считая эмиссии, сельское население страны отдало по налогам 8,9% от своей продукции (в 1913 году – 8,2%).

В сводке Вологодского губернского отдела ГПУ за 21 августа 1922 года отмечалось: «Политическое положение губернии неудовлетворительное на почве разных налогов и в особенности налога на масло и яйца и происходящий неплатеж его происходит ввиду того, что большинству [в] особенности крестьянам, беднякам и середнякам нечем платить за неимением указанных продуктов, а также отчасти агитации лиц кулацкого элемента и антисоветски настроенных...»⁴.

Налоговая кампания 1922/23 г. отличалась от предыдущей. В соответствии с решениями XI съезда РКП (б) система натуральных налогов была заменена единым натуральным налогом⁵. Налог исчислялся в единой весовой мере (в так называемых ржаных и пшеничных единицах). Обложению подвергалась площадь пашни и сенокоса, наличие скота и едоков в семье. Возросла дифференциация ставок налога, предусматривались льготы беднякам, семьям военнослужащих, инвалидам Гражданской войны и др.⁶ Дополнительно был введен единовременный общегражданский налог на восстановление сельского хозяйства и ликвидацию последствий голода⁷. 25 мая 1922 года был установлен специальный подворно-денежный налог⁸. Также взимались трудгужналог⁹, промысловый (промсбор), подворно-поимущественный, единовременный земельный (масляно-яичный) и ряд других налогов, устанавливаемых местными властями.

Налоги оказались весьма обременительными для всех без исключения крестьянских хозяйств. Свидетельство тому – постоянный рост недоимок, особенно по промысловому налогу. Задолженность по денежным налогам кроме общего низкого уровня крестьянского производства вы-

звучала еще и отсутствием денег у населения, что было в свою очередь связано с постоянным падением курса совзнака, несбалансированным экономическим обменом с деревней (знаменитые «ножницы цен»).

Для изыскания денег крестьянин вынужден был прибегать к продаже хлеба. Как отмечалось в сводке Вологодского губернского отдела ГПУ за 12 – 19 января 1923 года: «Настроение крестьянства в большинстве подавленное в связи с проводимыми Соввластью налогами, в особенности денежного, так как в крестьянстве деньги отсутствуют. Отношение же крестьянства к Соввласти неудовлетворительное, а к РКП в большинстве случаев враждебное, опять таки на почве налоговой политики, так как крестьянство все тяготы ставит в вину только лишь коммунистам. В голодающем Каргополье дело обстоит еще хуже, местные крестьяне, не имея хлеба, толкут для еды солому, ощущается крайний недостаток корма для скота, в силу чего крестьяне вынуждены продавать скот, чтобы с одной стороны избавиться от покупки корма, который значительно дорог, а с другой стороны, чтобы несколько обеспечить свою семью хлебом, хотя на некоторое время. Но эти меры не могут спасти крестьянина от голода, а только лишь разоряют свои хозяйства...»¹⁰.

Начало налоговой кампании 1923/24 г. было положено в апреле 1923 года на основе решений XII съезда РКП(б) «О налоговой политике в деревне». Рекомендовалось провести объединение всех государственных и местных прямых налогов в единый налог. При этом больший размер налога должен был приходиться на зажиточных крестьян, часть бедноты вовсе освобождалась от налога¹¹. Налог исчислялся в ржаных единицах. Местные сборы допускались лишь в том случае, если они обслуживали потребности волостных и сельских бюджетов. Продовольственные комитеты упразднились, налоговое дело было передано финансовым органам. Реформа налоговых органов сопровождалась упорядочиванием практики проведения налоговых кампаний. С 1923 года сложилась система взимания сельскохозяйственного налога, которая фактически в неизменном виде просуществовала до конца нэпа. Налоговая кампания 1923/24 г. отражала наиболее либеральный период новой экономической политики. Улучшение экономического климата позволило деревне выполнить налоговые задания, однако, в целом не изменило негативного отношения к налогу. «...Отношение крестьянства к Соввласти и РКП различное, – отмечалось в сводке Вологодского губернского отдела ГПУ за 22–29 сентября 1923 г., – это зависит от материального обеспечения бедняка, если бедняк мало-мальски обеспечен и не затронут налогами, то и отношение его к Соввласти доброжелательное, в виду того, что в нынешнем плохом урожае налог для бедняка будет обременителен. Средняк же относится к Соввласти доброжелательно, ибо с переходом от продразверстки к сель-

скохозяйственному налогу и изданием Земельного Кодекса средняк вновь принялся за полную разработку своей полосы и налог ему менее тяжел, чем бедняку. Отношение кулаков к Соввласти и РКП враждебное, но каких-либо антисоветских явлений со стороны последних не было...»¹².

Кампания 1924/25 г. совпала по времени с завершением финансовой реформы в СССР. Это позволяло отказаться от натуральных платежей и рассчитывать на успех в деле изъятия сельскохозяйственного налога. Не случайно, что финансовым руководством страны обе кампании рассматривались как единое целое¹³. В 1924/25 г. в качестве самостоятельного объекта обложения стал учитываться взрослый скот. Это был шаг к подоходному обложению крестьянских дворов. Тем не менее, налог сохранял характер поземельного обложения, поэтому Центром предусматривались коэффициенты перерасчета всех объектов обложения в пашню. Волостные сборы отменялись, но за губерниями оставалось право осуществлять процентные надбавки к налогу на местные нужды. Предусматривалось значительное расширение льгот для малоимущих плательщиков. В глазах правящей партии сельский пролетарий вновь становился ключевой фигурой в деревне. Основная тяжесть налога падала на середняцкие и зажиточные дворы.

Из сводки Вологодского губернского отдела ГПУ за 7 – 15 июля 1924 года: «...Среди крестьян Грязовецкого уезда замечается ропот в связи с предстоящим налогом, крестьяне говорят, что раньше нам говорили везде и всюду: «Приобретай скот», «Корми скот», а теперь на этот скот будет налог, на почве этого крестьяне продают скот, говорят нельзя иметь лишнюю корову...»¹⁴.

В 1925/26 г. налоговая практика в части основных объектов обложения не изменилась. Отличие от предыдущей кампании состояло в установлении твердого необлагаемого минимума дохода. Это служило основанием для полного освобождения от налога ряда крестьянских хозяйств. Единый сельскохозяйственный налог 1925/26 г. («рыковский» сельхозналог, названный по имени председателя СНК СССР и одновременно СНК РСФСР А.И. Рыкова) получил в целом высокую оценку на местах. Крестьянство без принуждения – «самотеком» – рассчитывалось с государством. Объем поступившего в 1925/26 г. налога приблизился к соответствующим показателям наиболее тяжелого в экономическом отношении для крестьян 1922/23 г. и составил 96,38% от поступлений этого года, но в условиях постепенного возрастания доходных поступлений объем налогового давления на хозяйство составил небольшой процент от его дохода.

Из сводки Вологодского губернского отдела ГПУ на 10 июля 1925 года: «...Политическое состояние крестьянства удовлетворительное... недовольство крестьян высокими ценами на хлеб имеется, а кулаки по-прежнему распускают разного рода слухи о войне, а также восстанавливают крестьянство против Соввласти, используя для этого новые постановления о с.х. налоге и др. ... отмечен случай избияния кулаками крестьянина бедняка за то, что сообщил в ВИК о скрытой ими от обложения с.х. налогом земле... В Веральском районе [Большесторонской волости Каргопольского уезда] на общем собрании крестьян, где объявлялись объекты обложения сельхозналога на 1925 – 26 гг., выступали кулаки во главе с торговцем Томиловым и говорили, что Советская власть и коммунисты грабят мужика, в газетах пишут, что налог снижают, а на самом деле путем махинации с перечислением скота и сенокоса в пашню налог не уменьшают, а наоборот, увеличивают...»¹⁵.

Налоговая кампания 1925/26 г. завершилась собой восстановительный этап экономического развития страны. Фискальный потенциал сельскохозяйственного налога, изымаемого на основе натуральных показателей, к этому времени был исчерпан. Ведущие позиции в структуре доходов начинают занимать акцизы и промысловый налог, взимаемый по прогрессивным ставкам. Требовались перестройка налоговой системы и переход к подоходному обложению. В то же время нельзя забывать о социальной составляющей налоговой политики, избранной государством. Суть последней сводилась к подчеркнутому вниманию к интересам бедноты в ущерб другим слоям крестьянского сообщества, что недвусмысленно подчеркивалось в решениях апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б)¹⁶. Директивы пленума положили начало реформы сельскохозяйственного налога в СССР. В докладе наркома финансов Н.П. Брюханова на второй сессии ВЦИК СССР 20 апреля 1926 года шла речь о переходе к подоходному обложению деревни, но при этом в противоречие с основным тезисом устанавливались дифференцированные нормы налогообложения, основанные на классовых критериях. Предполагалось полностью освободить от налога 5 млн. крестьянских дворов, отнесенных к разряду бедняцких (20% от всех дворов). 11 млн. «ниже-средняцких» дворов (46% от всех хозяйств) с доходом в 2300 млн. руб. (43%) должны были уплатить 23% всего налога, 20% середняцких хозяйств с доходом 1600 млн. руб. (30%) – 30% всего налога. Размер налога для «ниже-средняцких» и середняцких групп дворов не должен был превышать уровень обложения 1925/26 г. Для 3-х млн. зажиточных и кулацких хозяйств (14% от всех дворов) с доходом 1300 млн. руб. (24%) размер налога составлял 47% от совокупных объемов¹⁷. 25 апреля 1926 года ЦИК и СНК СССР приняли положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1926/27 г.¹⁸ Первый опыт

налогообложения по совокупному доходу показал, что государственная политика сделала резкий крен в сторону обременения имущих слоев деревни, все более приобретая политический характер. Бедняцкие дворы фактически были выведены из налоговой сферы и ограждены целой системой льгот и скидок. Сама кампания проходила в условиях стабильного роста торговых оборотов и заметном изжитии товарного голода. Это позволило населению выполнить возросшие налоговые обязательства, тем не менее, внутри крестьянского социума наметились серьезные противоречия на почве классовой дифференциации сельхозналога. Характеризуя настроения различных социальных слоев деревни, Вологодский губернский отдел ГПУ в информационном отчете с ноября 1926 по май 1927 гг. отмечал: «Беднота... По сравнению с середняцкой и зажиточной частью деревни беднота все еще менее активна... Проявляются как на собраниях бедноты, так и на общекрестьянских собраниях иждивенческие настроения среди некоторой части бедноты. В отдельных случаях, неорганизованная беднота поддерживает кулацкие требования (исчисление налога по земле, проявление ревности к рабочим и т.п.)...

Средняки... В массе настроение середняка, несомненно удовлетворительное... При недостаточном влиянии партийных ячеек (в особенности, в районах, где они слабы) середняки иногда поддаются под влияние зажиточных и кулацких групп и отражают их настроения. Это выражается в требовании исчисления налога по земле (без учета скота и общей доходности хозяйства), протестах против работы с беднотой и экономической помощи бедноте («средняков и бедноты нет, а есть труженики и лодыри»), ревность к рабочим...

Кулачество... проявляет значительную активность в борьбе за влияние в Советах и кооперации... Борьба кулачества сосредоточена преимущественно на следующих моментах: ... стремление к срыву работы среди бедноты, выражающееся в отдельных попытках срыва бедняцких собраний, натравливания середняков против этой работы, убеждении бедноты, что ей не будет пользы от этой работы, что эта работа «раскалывает деревню», «сеет вражду» и т.д., отрицании классового расслоения деревни («беднота – лодыри»)... Требования изменения системы сельхозналога, в сторону уничтожения классового ее принципа, причем в таких случаях употребляются демагогические приемы с целью привлечь на свою сторону середняка («освобождение бедноты идет за счет середняка»)»¹⁹.

Единый сельскохозяйственный налог на 1927/28 г. сохранял характер подоходного обложения²⁰. Основные принципы новой налоговой кампании всецело исходили из соблюдения интересов малообеспеченных слоев деревни, что наиболее ярко проявилось в увеличении норм обложения неземледельческих доходов. Ту же цель преследовал переход

на обложение полеводства не по количеству земли на двор, а по посеву, — известно, что земельные площади не всегда в полном объеме засеивались бедняцкими хозяйствами, и обложение только посева облегчало им финансовые обязательства перед государством.

Сбор налога проходил в экстремальной ситуации кризиса хлебозаготовок. Стремясь максимально ускорить поступление налога, 21 декабря 1927 года Совнарком рассылает на места секретный циркуляр, в котором предлагалось закончить кампанию не позднее 1 марта 1928 года и доложить о принятых мерах²¹. Одновременно Манифестом ЦИК СССР «Ко всем рабочим, трудящимся крестьянам и красноармейцам СССР, пролетариям всех стран и угнетенным народам мира», принятым в октябре 1927 года, значительная часть бедноты (35%) освобождалась от налога, с части бедняцких и середняцких хозяйств слагались или снижались недоимки по налогу²². Создавались так называемые основной и дополнительный фонды скидок.

Местные налоговые органы, пытаясь следовать той и другой директиве, проводили в течение всего налогового года «довывявление» объектов обложения и одновременно изыскивали возможности к освобождению крестьянской бедноты от налога. Таким образом, вполне очевидно, что в кампанию 1927/28 г. налог использовался как вполне устоявшееся средство экономического давления на зажиточные слои деревни.

Налоговая кампания 1928/29 г. кардинально отличалась от всех предыдущих. В декабре 1927 года XV съезд партии взял курс на коллективизацию, составной частью которого являлись борьба с кулаками и ограничение развития капитализма в деревне. На одно из первых мест ставилась задача перехода со следующего года к прогрессивно-подходящему обложению деревенских хозяйств кулацкого типа²³.

5 января 1928 года в связи с углублявшимся кризисом хлебозаготовок за подписью Сталина появилась секретная «Директива ЦК ВКП(б) парторганизациям о хлебозаготовках», которая была направлена на демонтаж нэпа и широкое применение репрессий в деревне. Новый закон о сельхозналоге был принят 21 апреля²⁴. Налог исчислялся по так называемой украинской шкале²⁵, то есть по общей сумме дохода на хозяйство за вычетом 20 руб. на каждого члена семьи («по остатку дохода»); расширялись объекты обложения и нормы обложения «нетрудовых» источников дохода и кустарных промыслов. Объем налоговых изъятий от неземледельческих заработков должен был составлять не менее 35% от дохода; «в целях приближения нормативного дохода от сельского хозяйства к действительному доходу, для отдельных крестьянских хозяйств, с доходом по РСФСР не ниже 400 руб. на хозяйство» устанавливались прогрессивные надбавки от 5 до 25% в зависимости от высоты сельско-

хозяйственного дохода; «волостным налоговым комиссиям предоставлялось право у отдельных крестьянских хозяйств, имеющих высокий доход нетрудового характера, определять размеры облагаемого дохода индивидуальным порядком – не по нормам»; увеличивалась единая шкала налоговых ставок с 25 до 30 коп. с рубля дохода (при доходе в 70 руб. и выше на человека); значительно расширились льготы по налогу для сельскохозяйственных коллективов; в интересах скорейшего окончания кампании сроки уплаты налога передвигались на 1 месяц – соответственно на 1 октября, 1 декабря и 1 февраля; за сокрытие объектов обложения кроме административной ответственности плательщики несли наказание в виде штрафов, налагаемых волостными исполкомами²⁶.

Своеобразный состав налоговых комиссий с большим удельным весом бедноты, предоставленное им впервые право индивидуального обложения и прогрессивной надбавки к нормативно исчисленному доходу зажиточных хозяйств явились серьезным испытанием прочности социальных связей деревенского сообщества и, в целом, крестьянского «мира». Безусловное требование освободить от налога беднейшие дворы ставило их в привилегированное положение. 18 мая и 23 августа 1928 года последовали дополнительные распоряжения СНК РСФСР о неукоснительном соблюдении директив об освобождении от налога 35% бедняцких хозяйств. На эти цели Наркомфин выделил дополнительные средства, предоставив право «в случае необходимости, увеличить установленный... размер фонда до пределов, обеспечивающих освобождение намеченного... количества хозяйств»²⁷. Многолетняя практика раскалывания деревни по классовому критерию дала первые результаты именно в налоговую кампанию 1928/29 г.

Налоговая кампания дала многочисленные примеры «переобложения» зажиточных хозяйств. Все это послужило поводом для центральных властей обвинить «места» в ошибках и перегибах. Тем не менее, были приняты некоторые меры к исправлению положения. 21 августа последовало Постановление СНК РСФСР, а 11 сентября – СНК СССР, которые устанавливали предельную степень повышения налога для губерний (не более 50%), для уездов (не более 60%) и волостей (не более 70%). Был создан специальный фонд для компенсации переобложенных хозяйств, проведена проверка доходов хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке. «Помимо того, пересмотру обложения подлежали и все те крестьянские хозяйства других районов, которые в текущем году получили резкое увеличение налога по сравнению с прошлым годом»²⁸.

Политическим фоном к сбору сельхозналога служила масштабная кампания по хлебозаготовкам, решающая фаза (ноябрь–декабрь 1928 г.) которой совпала с началом налоговой кампании. 12 декабря Нарком фи-

нансов РСФСР Н. Милютин обратился с «Информационным письмом» (под грифом «Совершенно секретно») к налоговым органам страны, в котором обращалось внимание на то, чтобы все фискальные мероприятия были направлены «к усилению хлебозаготовок». Преамбулой к этому документу служил воспроизведенный полностью текст письма, направленный от имени ЦК ВКП (б) и СНК СССР местным партийным и советским органам за подписью Сталина и Рыкова от 29 ноября 1928 года. В нем, в частности, предлагалось «усилить проведение всех мероприятий, связанных с извлечением денег из крестьянского хозяйства...»²⁹. В результате налоговой кампании 1928/29 г. сумма налога, выплаченная середнячками и зажиточными дворами, значительно превышала аналогичные показатели предыдущих лет.

В 1929/30 г. сельхозналог³⁰ был призван сыграть важную роль в ликвидации кулачества как класса – официально провозглашенной в конце 1929 – начале 1930 гг. генеральной линии партии. Поэтому все фискальные мероприятия в деревне неизбежно приобретали политическую окраску. XVI конференция ВКП(б), проходившая 23 – 29 апреля 1929 года, приняла резолюцию «О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка», в которой подтверждались практика 35% освобождения от налога бедноты, льготы коллективным хозяйствам, принципы классовой дифференциации налога и индивидуального обложения. Предполагалось до 45% налога переложить на плечи зажиточных хозяйств³¹.

На местах с момента опубликования положений о налоге вплоть до весны 1930 года продолжалось «довыявление» кулаков–индивидуалов и «дообложение» основной массы плательщиков налога. Общий объем сельскохозяйственного налога был повсеместно увеличен. По существу налоговая практика 1929/30 г. привела к массовому раскулачиванию крестьянства раньше законодательного оформления политики ликвидации кулачества как класса³².

Таким образом, анализ политических сводок Вологодского губернского отдела ГПУ и конкретная практика обложения деревни за годы нэпа показывает, что до середины 1920-х гг., отказавшись от волюнтаристских методов изъятия средств из деревни, правящая партия проводила налоговую политику, учитывающую в той или иной степени потребности восстановления хозяйственного потенциала крестьянского двора. Тем не менее, на протяжении всего нэпа налоговые изъятия из деревни были довольно обременительны для крестьян. Со второй половины 1920-х гг. налоговая система превратилась в инструмент разорения и экспроприации зажиточных крестьян. Обратной стороной этой политики явилось уста-

новление в деревне политического и экономического культа бедноты. Парадоксальным образом в 1929/30 г. социально-экономическая ситуация в деревне напоминала обстановку начала 1920-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 28 марта 1921 г. было опубликовано постановление СНК о натуральном налоге на хлеб, 21 апреля – «на картофель и масляничные семена», затем были изданы декреты о натуральных налогах на молочные продукты, 10 мая – на льняное и пеньковое волокно, 11 мая – на шерсть и табак, 12 мая – на сено, 31 мая – на мясо, 3 июня – на продукты пчеловодства и т. д. Решение о последнем натуральном налоге – на домашнюю птицу – было принято 15 сентября 1921 г.

² СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147.

³ Кроме продналога прямые налоги и повинности, уплаченные за это время деревней, включали в себя трудгужналог, единовременный общегражданский денежный налог, местные денежные налоги и сборы, промысловый налог, косвенные налоги и таможенные пошлины.

⁴ ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы. (По материалам информационных сводок ВЧК–ОГПУ) / Составитель Г.Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1995. С. 38.

⁵ Отныне крестьянину предоставлялась возможность по своему выбору уплачивать налог любыми сельскохозяйственными продуктами, – см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. М., 1970. С. 302.

⁶ Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство 1917 – 1927 гг. М., 1977. С. 179.

⁷ СУ РСФСР. 1922. № 76. Ст. 892.

⁸ СУ РСФСР. 1922. № 37. Ст. 431.

⁹ СУ РСФСР. 1922. № 75. Ст. 928.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 430. Единый сельхозналог был введен декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1923 г., – см.: СУ РСФСР. 1923. №. 42. Ст. 451.

¹² ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства ... С. 65-66.

¹³ Известия. 1924. 1 февраля.

¹⁴ ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 77.

¹⁵ Там же. С. 100–101.

¹⁶ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 319.

¹⁷ Государственный архив Вологодской области (далее–ГАВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2302. Л. 193.

¹⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1926. № 30. С. 192.

¹⁹ ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 131–132.

²⁰ Постановление ЦИК и СНК СССР об утверждении Положения о едином сельхозналоге было принято 2 апреля 1927 г., – см.: Известия . 1927. 3 апреля; Беднота. 1927. 9 апреля.

- ²¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 109.
- ²² Данилов В.П. Указ. соч. С. 186.
- ²³ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 482–486.
- ²⁴ Известия. 1928. 22 апреля.
- ²⁵ ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3073. Л. 34.
- ²⁶ ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3076. Л. 7–7 об.
- ²⁷ Там же. Д. 3073. Л. 288–293. См.: Распоряжение НКФ РСФСР от 27 августа 1928 г. «О порядке применения постановления СНК РСФСР от 23/VIII об освобождении от с.х. налога бедняцких и малоимущих хозяйств».
- ²⁸ ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3074. Л. 18.
- ²⁹ Там же. Д. 2585. Л. 167–168.
- ³⁰ Постановление СНК и Положение о сельхозналоге на 1929/30 г. были опубликованы 8 и 20 февраля 1929 г.
- ³¹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 217.
- ³² Доброноженко Г. Ф. Коллективизация на Севере. 1929–1932. Сыктывкар, 1994. С. 86.

С. Н. Цветков

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
БЕЛОЗЕРСКОГО РАЙОНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ. 1926 – 1928 гг.
(ПО ДОКУМЕНТАМ КАУ ВО «ВОАНПИ»)**

Белозерский район образован на основании постановления Президиума ВЦИК от 1 августа 1927 года в составе Череповецкого округа Ленинградской области с центром в г. Белозерске. На момент образования в районе проживало 46749 человек, имелось 49 сельсоветов, в которых насчитывалось 565 населенных пунктов, 8514 крестьянских хозяйств¹. Главной отраслью в районе являлось сельское хозяйство, а в нем преобладало полеводство, с производством, главным образом, зерновых культур для удовлетворения собственных потребностей населения.

С развитием полевого травосеяния и укрепления кормовой базы стало быстрыми темпами развиваться и животноводство.

Общая площадь земель в районе составляла 371140 га². Земли сельскохозяйственного пользования составляли 127878 га. Остальная площадь – 243263 га – являлась единым государственным лесным фондом. Из этого количества леса местного значения составляли 18802 га. Из общего количества земель сельскохозяйственного пользования 1873 га было занято под усадьбы, 22950 га – под пашню, 21468 га составляли покосы³.